

К ВОПРОСУ О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В ТРАДИЦИОННОМ ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Алан Батырбекович Багаев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнологии, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (Владикавказ, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-8987-8682>; alon.baga@mail.ru

Традиционный осетинский суд, как важный общественный институт, своими корнями уходит в глубокую древность. Не менее древнюю историю имеет другой традиционный институт – общинное собрание (ныхас). Различные вопросы, связанные с традиционным третейским судом и осетинским общинным собранием, неоднократно становились объектом исследований. Несмотря на довольно хорошую разработанность многих аспектов рассматриваемых традиционных институтов, научный интерес к ним не ослабевает. Актуальность этой проблемы определяется тем, что эти институты долгое время играли важную роль в жизнеустройстве и самоорганизации осетинского социума. Отдельные аспекты функционирования обозначенных институтов требуют более глубокого всестороннего исследования, так как они остаются дискуссионными. Одним из которых является вопрос об осуществлении общинным собранием судебных функций. Многие исследователи считают, что в сферу компетенций ныхаса входило и традиционное судопроизводство. По мнению других, в этой сфере деятельность общинного собрания сводилась к минимуму. Научная новизна определяется тем, что данная работа является первым опытом сопоставления функционала традиционного осетинского суда и общинного собрания. Источником при разработке поставленной проблемы послужил этнографический материал. В ходе исследования рассмотрены основные особенности деятельности и принципы организации общинного собрания и традиционного суда у осетин. Установлено существование разных вариантов избрания судей. Определены характерные особенности архаичной формы традиционного суда. Выявлено существование судей трех рангов разной степени компетентности. Описана трансформация, произошедшая в традиционном осетинском судопроизводстве после административно-судебной реформы российских властей на Кавказе во 2-ой половине XIX в. Установлено, что судебные практики осуществлялись не общинным собранием, а традиционным осетинским судом.

Ключевые слова: традиционное общество, мужские субкультуры, традиционный осетинский суд, суд медиаторов, общинное собрание, тархоны лаг, ныхас.

Для цитирования: Багаев А.Б. К вопросу о судопроизводстве в традиционном осетинском обществе // KAVKAZ-FORUM. 2023. Вып. 16(23). С. 48-59. DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.003

Введение

Человеческое общество с самого начала своего появления и до настоящего времени сопровождают конфликты. Они являются опасными не только для лиц, участвующих в них, но и для всего общества, потому что имеют свойство разрастаться и разрушать социум. Люди с древних времен пытались предотвращать, а если это не удавалось, то улаживать их максимально быстро и с наименьшими потерями как для участников, так и для социума. Традиционное осетинское общество в этом плане не исключение. За многие века нашими предками были выработаны методы и способы разрешения конфликтов. Главную роль в этом общественно важном процессе играли почетные старики – знатоки обычного права. Именно они занимались судопроизводством в традиционном осетинском обществе. Однако возникает вопрос, какой социальный институт у осетин занимался судопроизводством – общинное собрание или традиционный суд.

В прошлом у осетин судопроизводства в современном его понимании не существовало. Судебные дела рассматривал третейский суд, созываемый каждый раз в новом составе. Он разрешал конфликты между родственными коллективами и лицами из разных сел и обществ. Во внутрисемейных распрях и стычках роль судьи выполнял глава большой семьи [1, 186].

Судопроизводство у осетин не раз становилось объектом исследования. Данный вопрос привлекал к себе внимание историков, этнологов и юристов. Среди дореволюционных работ особо выделяются труды В.Б. Пфафа [2], М.М. Ковалевского [3], Ф.И. Леонтовича [4], Н.С. Мансурова [5], Г. Лиавели [6]. В советский период изучение в данном направлении было продолжено. Особенно значимы работы А.Х. Магометова [7, 422-431; 8, 247-262]. Не угасает интерес к рассматриваемой проблеме и в современном осетиноведении. Наиболее значимыми являются работы Е.И. Кобахидзе [9; 10, 37-47; 11, 105-120; 12, 274-293], Т.Т. Дауевой [13, 157-161; 14].

Исторически так сложилось, что в осетинской этнокультурной традиции деятельность традиционного осетинского суда (*тæрхон*) всегда имела определенную связь с общинным собранием (*ныхас*).

Вопросы, связанные с деятельностью традиционного осетинского суда и общинного собрания, уже более ста лет привлекают к себе внимание исследователей.

Целью данного исследования является определение социального института, занимавшегося судопроизводством в традиционном осетинском обществе.

Научная новизна исследования заключается в том, что в осетиноведении впервые проводится сопоставительный анализ общественных функций двух, важных для традиционного осетинского общества, социальных институтов – общинного собрания и традиционного суда.

Основная часть

Многие исследователи полагают, что в традиционном осетинском обществе судебные функции осуществляло общинное собрание взрослых мужчин. Одним из первых мнение о том, что осетинское общинное собрание играло решающую роль в делах примирения кровников, высказал Г.А. Кокиев: «На «*нихасе*» обсуждались возникавшие с соседними обществами конфликты и принимались определенные решения. Вопросы, связанные с примирением кровников, конфликты между родами и даже между отдельными членами рода – также выносились на «*нихас*» [15, 52].

Об осуществлении судебных функций общинным собранием писал и А.Х. Магометов: «В компетенцию *нихаса* входило также разбирательство междуродовых конфликтов, дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях невест, о спорах из-за имущества и воровстве» [8, 224].

О важной роли традиционного общинного собрания осетин в рассмотрении судебных дел пишет А.А. Хамицаева: «...важнейшей функцией *ныхаса* было судопроизводство, как в общественной, так и в хозяйственной жизни... В компетенцию *ныхаса* входило разбирательство междуродовых конфликтов, дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, воровстве, споров из-за имущества...» [16, 173-174].

Рассматриваемый вопрос нашел отражение и в статье М.К. Цховребовой и др. о судопроизводстве по обычному праву осетин. Так, коллектив авторов данного исследования отмечает: «Такие вопросы, как борьба между семьями (дворами, патронимиями, фамилиями), конфликты, связанные с землевладением и землепользованием, кровной мезтью и др. в Осетии разрешались на народных сходах – *ныхасах* (так называлось и место, где происходили сельские собрания). Главная функция *ныхаса*, состоявшего из взрослого населения общины, заключалась в урегулировании споров» [17, 155]. Кроме этих работ существует еще довольно много исследований, в которых эта позиция нашла отражение. Многие авторы не дают ссылку на источник, подтверждающий мнение о наличии у традиционного осетинского общинного собрания судебных функций. Вероятно, это обусловлено тем, что авторы, придерживающиеся данного мнения, считают, что положение о *нихасе*, как судебном органе, является общеизвестным фактом.

Однако есть исследователи, придерживающиеся противоположной позиции. Они считают, что судебные практики не входили в компетенцию народного собрания, а осуществлялись традиционным осетинским судом. Так, З.Н. Ванеев отмечает: «...в сфере урегулирования конфликтов, возни-

кающих из-за нарушения частных имущественных интересов, значение общинного собрания, так и старейшин является наименьшим» [18, 155].

В своем фундаментальном труде «Осетины» Б.А. Калоев не отмечает также наличие судебных функций у традиционного осетинского общинного собрания [19, 299-300].

Из современных исследователей позиции о том, что судебные практики не входили в компетенцию традиционного общинного собрания осетин, придерживается Е.И. Кобахидзе. Она считает, что «...относительно автономно в системе общественной власти у осетин существовала судебная практика, осуществлявшаяся посредническим судом (*тæрхон*), предназначенным для урегулирования взаимоотношений между отдельными индивидами в сфере частных имущественных интересов. Именно суд посредников, а не общинное собрание или институт старейшин, являлся органом, разрешающим в этом случае конфликты» [12, 290].

Исследователи, придерживающиеся мнения об осуществлении судебных функций общинным собранием, свою позицию в основном обосновывают опираясь на сведения В.Б. Пфафа. Вышедший из-под пера этого дореволюционного исследователя труд «Народное право осетин» [2] является первой значительной работой по обычному праву осетинского народа. Исследование написано на основе доступных автору судебных материалов, а также на собранных им во время поездок по осетинским ущельям сведениях о традиционном судопроизводстве. Несмотря на значительные достоинства, работа В.Б. Пфафа содержит довольно много неточностей и явных ошибок, в особенности это касается анализа собранных сведений и материалов. Так, в своем исследовании В.Б. Пфаф придает традиционному осетинскому общинному собранию функции аналогичные сельскому или мирскому сходу (орган крестьянского самоуправления в Российской империи XIX – начала XX вв.). Он пишет, что на *ныхасе* «...старшины отдают отчет обществу о своих действиях в продолжении дня и совещаются с ним о дальнейшем направлении общественных дел. Общество ведет над ними строгий контроль. *Ныхас* решает вопрос о столкновении между старшинами различных степеней... На *ныхасе* разбираются и решаются всевозможные административные дела... На *ныхасе* распределяется подворно земля, соразмерно потребностям каждого двора. На *ныхасе* раскладываются подворно земские повинности, расходы на общественные постройки и другие сборы» [2, 1020]. Нам представляется, что сообщения В.Б. Пфафа о деятельности осетинского общинного собрания весьма недостоверны, к ним следует относиться осторожно.

Оппонируя В.Б. Пфафу, З.Н. Ванеев отмечает: «Все это – плод явного недоразумения. На самом деле, об организованной и систематически-регулярной работе «*ныхаса*» не приходится говорить... на «*ныхасе*» обычно проводят свой досуг и большую часть времени посвящают бе-

седе для развлечения, обсуждая деловые вопросы по мере надобности» [18, 153].

Общеизвестно, что в прошлом в общественной жизни осетин огромную роль играло общинное собрание взрослых мужчин – *ныхас*. Об этом важном институте в жизни традиционного осетинского общества есть упоминания во многих работах [7; 18; 19]. Отдельную работу по всестороннему исследованию данного вопроса с опорой на этнографический и фольклорный материал провел Г.Д. Чиковани [20, 26-107].

Существовали *ныхасы* квартала и *ныхасы* всего селения. При обсуждении вопросов, касавшихся жизни всего ущелья, сельские общинные собрания посылали своих представителей на заседание общеущельного *ныхаса*. Обычно он находился в центральном населенном пункте всего общества или на особой, всем известной площадке в ущелье. Среди них известностью пользовались *ныхас* в с. Дагом, Потыфаз в районе с. Нар, площадки Мадзаска и Мацута в Дигорском ущелье [7, 414].

Ныхас являлся не только собранием взрослых мужчин, но и своеобразным центром общественной жизни. Все свободное время мужчины проводили на *ныхасе*. Здесь они могли обсуждать важные дела или просто развлекать себя беседами. *Ныхас* являлся местом проведения общесельского ритуального пиршества (*хъæууырд*) [20, 103].

Довольно часто народными сказителями на *ныхасе* исполнялись нартовские кадаги под музыкальный аккомпанемент. Здесь озвучивались разные истории, легенды и предания. Важную роль *ныхас* играл в социализации подрастающего поколения. Именно здесь они знакомились с национальными ценностями и мировоззренческими установками своего народа.

Как правило, обсуждение всех вопросов на *ныхасе* происходило без особых формальностей. Участники общинного собрания открыто и громко высказывали свое мнение. Естественно, мнение лиц старших возрастных групп играло большую, но не всегда решающую роль. Довольно часто спорные вопросы вызывали трения, иногда доходившие до открытых конфликтов и даже убийств. Затянувшиеся дискуссионные вопросы решали посредством жребия.

В компетенцию *ныхаса* входило рассмотрение и решение многих вопросов, которые касались жизни всей общины. Из них «самыми значительными были вопросы, связанные с упорядочением хозяйственной деятельности села» [20, 56]. Кроме того, в круг функций *ныхаса* входила организация охраны и использования лесных угодий; организация взаимопомощи; принятие в сельскую общину новых членов; организация самообороны и вооруженных нападений на враждебные общества.

Общинное собрание обладало правом репрессивного воздействия на тех, кто игнорировал или нарушал общественные интересы и нравствен-

ные нормы. Так, по общему решению *ныхаса* к лицу (или ко всей его семье) за систематическое воровство, неуживчивость, сопровождающуюся ссорами и драками, за злостное нарушение обычаев, за предательство и трусость во время нападения врага, за предательство интересов общины применяли карающую меру в виде бойкота (*хъоды*). Он предполагал либо изоляцию, либо изгнание из общества. Более гуманной репрессивной мерой по отношению к нарушителям общественных норм был штраф (*ивар*). Однако роль *ныхаса* «в урегулировании частноправовых отношений и разрешении конфликтов между членами общины была ограниченной» [7, 412; 18; 12].

Разрешением конфликтов между членами общины, принадлежащими к разным родственным коллективам, в традиционном осетинском обществе занимался суд медиаторов, а не общинное собрание.

Многовековая судебная практика традиционного суда способствовала выработке у осетин свода законов обычного права и определенных правил «судопроизводства, которые стали общепринятыми, хотя и те, и другие не были выражены в письменном виде (за отсутствием письменности), а хранились лишь устным преданием и часто повторяющейся практикой» [18, 32-33].

В традиционном осетинском обществе судебный процесс предвещала довольно сложная процедура создания суда. Срок полномочий судей традиционного осетинского суда всегда ограничивался одним делом. Каждый раз для разбирательства нового судебного дела процедура созыва суда повторялась снова.

Процессу организации суда предшествовала определенная подготовка. Первый этап начинался с того, что одна из сторон конфликта созывала родственников для обсуждения с ними вопроса о прекращении противостояния. Второй этап предполагал поиск посторонних лиц для ведения переговоров с противной стороной. Как правило, обращались к лицам из старшей возрастной группы, которые пользовались особым почетом и уважением. Давшие согласие на роль посредника лица наделялись полномочиями для ведения переговоров, и с этого времени до конца переговоров назывались *минæвæрттæ*. Обычно эта миссия поручалась одному или двум лицам. Однако бывало и так, что количество их достигало и пяти человек. Все зависело от сложности дела, а также от силы и социального статуса противной стороны.

Третий этап состоял из переговоров. Виновная сторона обязывалась возместить ущерб согласно предстоящему решению судей, а потерпевшая сторона брала на себя обязательство довольствоваться компенсацией, которая им будет произведена по суду. В ходе переговоров определяли и количество судей. Каждая из сторон должна была озвучить имена судей, которых она собирается пригласить со своей стороны для разбира-

тельства дела. Традиционное осетинское судопроизводство предполагало двухстороннюю санкцию на состав суда. Если одна из сторон выступала против кандидатуры предлагаемого оппонентами судьи, то его в обязательном порядке следовало заменить другим. «Процедура избрания могла длиться достаточно долго, пока стороны не приходили к единому мнению по вопросу состава суда» [14, 40].

Только после завершения всех этих предварительных процедур собирався суд и приступал к разбирательству. Рассмотренная форма организации традиционного суда упоминается во многих источниках, содержащих материал как по судопроизводству, так в целом и по истории и этнографии осетинского народа.

Описание другой формы организации суда у осетин дает К. Кох. В случае взаимного согласия на примирение каждая из враждующих сторон приглашала трех судей. К. Кох двух из них называет «алхузон», других двух – «сирамон», третью пару обозначает как «куссагон» [21, 258]. Несложно догадаться, что перед нами обозначение трех древнеосетинских фамилий – Агузовых, Сидамоновых и Кусагоновых. В описанном К. Кохом осетинском суде судебная процедура состоит из трех ступеней. Сначала дело рассматривают два «алхузона», потом два «сирамона», после них два «куссагона». Компетентность судей в данной форме суда различается. Менее компетентными считались «алхузоны», самыми опытными и знающими «куссагоны». Решение по делу утверждалось только после того, как последовательно признавалось справедливым судьями всех трех рангов. В противном случае суд распускался и собирався по тому же принципу, но из других лиц.

Ю.С. Гаглойты справедливо считает, что в практике традиционного судопроизводства, описанной К. Кохом, отражена «...более древняя форма представлений о делении населения общества по принципу трех функций» [22, 28].

Еще один вариант организации суда упоминается в источниках начиная с последней трети XIX в. Так, Д.Я Лавров в своих «Заметках об Осетии и осетинах», вышедших из печати в 70-х гг. XIX в., пишет: «сельское судопроизводство у осетин в настоящее время, по своему общему характеру, представляет собою как бы последнюю, переходную ступень от прежнего судопроизводства, основанного на местно-национальных началах, к общерусскому современному судопроизводству» [23, 181-182]. Данная форма суда называется в источниках народным судом. Судьи этого суда, как в прежние времена, были выборными. Однако, согласно новой форме организации суда, теперь судьи выбирались на год, и если себя хорошо зарекомендовывали, то могли быть переизбраны еще на год. Судья должен был быть старше 18 лет и обладать безупречной репутацией. В выборах важную роль играли представители российской администрации. Так, список

кандидатов в судьи народного суда утверждался начальником участка. В его же присутствии проходил процесс выборов. Избранные на должность народного судьи утверждались окружным начальником [14, 58].

Заключение

Итак, изложенный материал говорит о том, что компетенции суда и общинного собрания были совершенно разными. И поэтому *ныхас*, состоявший из всех взрослых мужчин общины, собиравшихся ежедневно, никак не мог выполнять судебные функции, так как у него совершенно другая форма организации по сравнению с посредническим судом.

В традиционном осетинском обществе конфликты, возникавшие между отдельными лицами, родственными коллективами и территориальными объединениями, разрешались посредством суда медиаторов. Третейский суд был общественным органом, разрешавшим конфликтные ситуации разной степени сложности. Другого публичного органа, способного ликвидировать конфликты, в особенности столкновения, приводившие к ранению или жертвам, в традиционном осетинском обществе не существовало.

1. *Хадикова А.Х.* Этнические образы и традиционные модели поведения. Владикавказ, 2015. 441 с.

2. *Пфаф В.Б.* Народное право осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Изд. 2-е. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. С. 1002–1111.

3. *Ковалевский М.М.* Современный обычай и древний закон. Т. I-II. М., 1886. 756 с.

4. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. II. Одесса, 1883. 346 с.

5. *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 38.

6. *Лиавхели Г.* Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис. 1886. № 292.

7. *Магоматов А.Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.

8. *Магоматов А.Х.* Общественный строй и быт осетин. Орджоникидзе, 1974. 367 с.

9. *Кобахидзе Е.И.* «Не единою силой оружия...». Владикавказ, 2010. 452 с.

10. *Кобахидзе Е.И.* Очерк К.Л. Хетагурова «Горский словесный суд» и проблемы реорганизации судопроизводства для горцев Северного Кавказа в 70-х гг. XIX – начале XX вв. // Известия СОИГСИ. 2010. Вып. 4(43). С. 37-47.

11. *Кобахидзе Е.И.* Традиционное судопроизводство и обычно-право-

вая основа социальной жизни у осетин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб, 2010. С. 105–120.

12. *Кобахидзе Е.И.* Общественный строй // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 274–293.

13. *Дауева Т.Т.* Разрешение конфликтов в порядке третейского судопроизводства в Осетии XVIII – начала XIX вв. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2015. Вып. 13. С. 119–128.

14. *Дауева Т.Т.* Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – XX в.). Владикавказ, 2017. 226 с.

15. *Кокиев Г.А.* Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 50–63.

16. *Хамицаева А.А.* Осетинское традиционное общество в российском цивилизационном процессе в конце XVIII – 60-е гг. XIX века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2(18). С. 172–178.

17. *Цховребова М.К., Бурнацева З.М., Бетеева М.М.* Из истории судопроизводства по обычному праву осетин // Гуманитарные и социальные науки. 2015. №2. С. 37–44.

18. *Ванеев З.Н.* Избранные работы по истории осетинского народа. Т. II. Цхинвал: Ирыстон, 1990. 430 с.

19. *Калоев Б.А.* Осетины. 4-е изд. М.: Наука, 2009. 471 с.

20. *Чиковани Г.Д.* Осетинский ныхас // Кавказский этнографический сборник. Т. V. Вып. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 29–107.

21. *Кох К.* Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 222–274.

22. *Гаглойты Ю.С.* Трехфункциональное деление в этническую культуру осетин // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 11–35.

23. *Лавров Д.Я.* Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Изд. 2-е. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. С. 138–202.

ON THE ISSUE OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE TRADITIONAL OSSETIAN SOCIETY.

Bagaev, Alan B. – candidate of historical sciences, senior researcher, ethnology department, V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS (Vladikavkaz, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-8987-8682>; alon.baga@mail.ru

Keywords: *traditional society, male subcultures, traditional Ossetian court, court of mediators, community meeting, tarkhony lag, nykhas.*

The traditional Ossetian court, as an important social institution, has its roots in ancient times. Another traditional institution, the community meeting (*nykhas*), has an equally ancient history. Various issues related to the traditional arbitration court and the Ossetian community meeting have repeatedly become the object of research. Despite the fairly good development of many aspects of the traditional institutions under consideration, scientific interest in them does not wane. The relevance of this problem is determined by the fact that these institutions have long played an important role in the life structure and self-organization of the Ossetian society. Certain aspects of the functioning of the designated institutions require a more in-depth comprehensive study, since they remain controversial. One of which is the question of the implementation of judicial functions by the community assembly. Many researchers believe that the sphere of competence of the *nykhas* also included traditional legal proceedings. According to others, in this area the activities of the community meeting were reduced to a minimum. Scientific novelty is determined by the fact that this work is the first experience in comparing the functionality of a traditional Ossetian court and a community meeting. The source for developing the problem posed was ethnographic material. The study examined the main features of the activities and principles of organizing a community meeting and a traditional court among Ossetians. The existence of different options for electing judges has been established. The characteristic features of the archaic form of the traditional court are identified. The existence of judges of three ranks with varying degrees of competence has been revealed. The transformation that occurred in traditional Ossetian legal proceedings after the administrative and judicial reform of the Russian authorities in the Caucasus in the second half of the 19th century is described. It was established that judicial practices were carried out not by a community meeting, but by a traditional Ossetian court.

For citation: Bagaev, A.B. On the issue of legal proceedings in the traditional Ossetian society. *KAVKAZ-FORUM*. 2023, iss. 16 (23), pp.48-59. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.003

References

1. Khadikova, A.Kh. *Etnicheskie obrazy i traditsionnye modeli povedeniya* [Ethnic images and traditional behavior patterns]. Vladikavkaz, 2015. 441 p.
2. Pfaf, V.B. *Narodnoe pravo osetin* [The Ossetian people's law]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Caucasian periodicals about Ossetia and the Ossetians]. 2nd edition. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, pp. 1002–1111.
3. Kovalevskii, M.M. *Sovremenniy obychai i drevnii zakon* [Modern custom and ancient law]. Volumes I-II. Moscow, 1886. 756 p.
4. Leontovich, F.I. *Adaty kavkazskikh gortsev* [Adats of the Caucasian highlanders]. Iss. II. Odessa, 1883. 346 p.
5. Mansurov, N.S. *Obychnyi sud u osetin* [Ordinary court among the Ossetians]. *Kaspii* [Caspian]. 1894, no. 38.

6. Liakhveli, G. *Drevnii osetinskii sud* [Ancient Ossetian court]. *Yuridicheskoe obozrenie* [Legal Review]. Tiflis. 1886, no. 292.
7. Magometov, A.Kh. *Kul'tura i byt osetinskogo naroda* [Culture and life of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir, 1968. 568 p.
8. Magometov, A.Kh. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin* [Social system and life of the Ossetians]. Ordzhonikidze, 1974. 367 p.
9. Kobakhidze, E.I. «*Ne edinoyu siloi oruzhiya...*» ["Not by force of arms alone..."]. Vladikavkaz, 2010. 452 p.
10. Kobakhidze, E.I. *Ocherk K.L. Khetagurova «Gorskii slovesnyi sud» i problemy reorganizatsii sudoproizvodstva dlya gortsev Severnogo Kavkaza v 70-kh gg. XIX – nachale XX vv.* [Essay by K.L. Khetagurov "Mountain Verbal Court" and the problems of reorganizing legal proceedings for the mountaineers of the North Caucasus in the 70s. XIX – early XX centuries]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2010, iss. 4(43), pp. 37-47.
11. Kobakhidze, E.I. *Traditsionnoe sudoproizvodstvo i obychno-pravovaya osnova sotsial'noi zhizni u osetin* [Traditional legal proceedings and the customary legal basis of social life among the Ossetians]. *Traditsii narodov Kavkaza v menyayushchemsya mire: preemstvennost' i razryvy v sotsiokul'turnykh praktikakh* [Traditions of the peoples of the Caucasus in a changing world: continuity and gaps in sociocultural practices]. St. Petersburg, 2010, pp. 105–120.
12. Kobakhidze, E.I. *Obshchestvennyi stroi* [Social system]. *Osetiny* [The Ossetians]. Moscow, Nauka, 2012, pp. 274-293.
13. Daueva, T.T. *Razreshenie konfliktov v poryadke treteiskogo sudoproizvodstva v Osetii XVIII – nachala XIX vv.* [Conflict resolution through arbitration in Ossetia in the 18th – early 19th centuries]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of young scientists]. 2015, iss. 13, pp. 274–293.
14. Daueva, T.T. *Konflikty i mirotvorcheskie praktiki v osetinskom obshchestve (konets XVIII – XX v.)* [Conflicts and peacekeeping practices in the Ossetian society (late XVIII – XX centuries)]. Vladikavkaz, 2017. 226 p.
15. Kokiev, G.A. *Normy osetinskoj morali* [Norms of Ossetian morality]. *Problemy etnografii osetin* [Problems of Ossetian ethnography]. Ordzhonikidze 1989, pp. 50–63.
16. Khamitsaeva, A.A. *Osetinskoe traditsionnoe obshchestvo v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse v kontse XVIII – 60-e gg. XIX veka* [The Ossetian traditional society in the Russian civilizational process at the end of the 18th – 60s. XIX century]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva* [Vestnik of Volga Region University named after V.N. Tatishchev]. 2015, no. 2(18), pp. 172-178.
17. Tskhovrebova, M.K., Burnatseva, Z.M., Beteeva, M.M. *Iz istorii sudoproizvodstva po obychnomu pravu osetin* [From the history of legal proceedings un-

der the customary law of the Ossetians]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanitarian and social sciences]. 2015, no. 2, pp. 37-44.

18. Vaneev, Z.N. *Izbrannye raboty po istorii osetinskogo naroda* [Selected works on the history of the Ossetian people]. Vol. II. Tskhinval, Iryston, 1990. 430 p.

19. Kaloev, B.A. *Osetiny* [The Ossetians]. 4th edition. Moscow, Nauka, 2009. 471 p.

20. Chikovani, G.D. *Osetinskii nykhas* [Ossetian nykhas]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Tbilisi, Metsniereba, 1979, vol. V, iss. 2, pp. 29–107.

21. Kokh, K. *Puteshestvie cherez Rossiyu k Kavkazskomu peresheiku v 1837 i 1838 gg.* [Travel through Russia to the Caucasian Isthmus in 1837 and 1838]. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov* [The Ossetians through the eyes of Russian and foreign travelers]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967, pp. 222–274.

22. Gagloity, Yu.S. *Trekhfunktsional'noe delenie v etnicheskoe kul'ture osetin* [Three-functional division in the ethnic culture of the Ossetians]. *Problemy etnografii osetin* [Problems of Ossetian ethnography]. Ordzhonikidze, 1989, pp. 11–35.

23. Lavrov, D.Ya. *Zametki ob Osetii i osetinakh* [Notes about Ossetia and Ossetians]. *Periodicheskaya pechat' Kavkaza ob Osetii i osetinakh* [Caucasus periodicals about Ossetia and Ossetians]. 2nd edition. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2016, pp. 138–202.